

Марксизм: утопия и наука

Алексей ЗАХАРОВ

Еще раз о теории формаций

Цивилизации и формации

В последние годы в советских гуманитарных исследованиях все большее распространение получает так называемый «цивилизационный подход». Обращаясь, в частности, к истории стран Востока, ученые убедительно показывают, что существовавшие в средние века арабо-мусульманская, индийская, китайская цивилизации сильно отличались друг от друга. Причем эти различия объясняются прежде всего различиями в характере лежащих в их основе религий. Скрупулезно исследуется, как различия религий влияли на быт, на духовную культуру — философию, литературу соответствующих народов, проникая буквально во все уголки их жизни¹.

Такие исследования важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Этот тезис достаточно красноречиво иллюстрирует работа ряда советских востоковедов, которые, анализируя перспективы развития демократии в Индии и Китае с позиций цивилизационного подхода, пришли к выводу, что для Китая с его конфуцианской традицией нет особых проблем с достижением высокой социальной мобильности, но зато крайне сложно прийти к политическому и идеологическому плюрализму. Напротив, у Индии проблемы совсем иные: здесь всегда была очень высокая степень мировоззренческой терпимости и плюрализма, которые, однако, сочетались с крайне трудно преодолимой системой жестких кастовых перегородок². Действительно, выбор той или иной религиозной системы на многие века может предопределить характер развития той или иной страны. Так, сделанный князем Владимиром выбор одного из вариантов христианства — православия — на столетия предопределил характер развития России в средние века и в какой-то мере определяет и отечественный менталитет в XX веке³. Более того, есть основания рассматривать сложившуюся после Октябрьской революции идеологию как своего рода эрзац-рели-

¹ См., например, Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1988.

² См. А л а е в Л. Б., В а с и л ь е в Л. С., Ф у р м а н Д. Е. Индия и Китай. Религиозные традиции и процессы модернизации. «Политика», 1990, № 2.

³ См. Ф у р м а н Д. Е. Выбор князя Владимира. «Вопросы философии», 1988, № 6.

Захаров А. К — кандидат экономических наук. Специалист в области теории формаций.

гию. Основанная на этой идеологии система обладает своей логикой, не зависящей от особенностей воспринявшего ее общества, своим циклом развития, со своими юностью, зрелостью, старостью и смертью. Это хорошо видно, если сравнить такие страны, как СССР и Китай⁴.

Но пока исследования в области цивилизационного подхода у нас редки, и я согласен с А. Гуревичем, который пишет: «Концепция культуры и цивилизации, по существу, игнорировавшиеся Марксом, по-прежнему выпадают из поля зрения марксистского анализа. Это обстоятельство указывает на историческую ограниченность теории формаций... Марксистская теория все еще не овладела обширными пластами актуальной проблематики, выдвинувшейся в наши дни на передний план в гуманитарном знании»⁵.

Возникает вопрос: в какой мере в результате разработки цивилизационного подхода сохранит силу марксистское учение о формациях? Здесь я также согласен с точкой зрения, что «ныне обществоведам придется разрабатывать иной, более гибкий и адекватный понятийный инструментарий. В каком облике и в каком объеме теория социально-экономических формаций может быть органически включена в эти новые объяснительные системы и что именно из ее содержания выдержит испытание временем, трудно предсказать. Это покажут дальнейшие непредвзятые и неидеологизированные исследования»⁶. Но все же мне думается, что от теории формаций сохранится больше, чем это представляется, например, Гуревичу, увлеченному пафосом борьбы (впрочем, вполне справедливой) с тоталитарной государственной идеологией.

Сколько было формаций?

К тем формациям, которые обычно фигурируют в отечественных учебниках, нужно обязательно добавить две: «азиатский способ производства» и ту формацию, которую я — за отсутствием лучшего термина — характеризую как прафеодализм.

Термин «азиатский способ производства» был введен в науку Марксом. Противники выделения его в качестве особой формации апеллируют к поздним работам Маркса и Энгельса, где этот термин не встречается. Однако, как мне кажется, этому есть достаточно убедительное объяснение: на Маркса и Энгельса дезориентирующее влияние оказала книга Л. Моргана «Древнее общество», где дана фантастическая картина развития первобытного общества и того, что последовало за ним. Эта книга была написана с европоцентристских позиций, в ней не нашлось места «восточному деспотизму». В результате тема происхождения государства у огромного большинства народов мира осталась нераскрытой.

В 20-х — начале 30-х годов понятие «азиатский способ производства» выдвигалось целым рядом советских историков. Но сделанный в 1933 г. В. Струве доклад «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока», содержащий неверный вывод о рабовладельческом характере обществ древнего Востока, положил конец этому направлению исследований. В связи с канонизацией работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938 г.) это мнение начинает безраздельно господствовать среди советских историков, а само поня-

⁴См. П л е ш а к о в К. В., Ф у р м а н Д. Е. Общее и особенное в социально-политическом и идеологическом развитии КНР и СССР. «Мировая экономика и международные отношения», 1989, № 12.

⁵Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории. «Вопросы философии», 1990, № 11, с. 43.

⁶Там же.

тие «азиатский способ производства» исчезает из исторической и философской литературы.

Его возвращение в сферу активного обсуждения началось лишь после опубликования во французском теоретическом марксистском журнале «La Pensee» в 1964 г. нескольких статей, специально посвященных этой проблеме. Автор одной из них — Ж. Шено — характеризовал «азиатский способ производства» как сочетание «производительной активности сельских общин и экономического вмешательства государственной власти, которая одновременно эксплуатирует общины и управляет ими». Кратко он определил этот способ производства как «деспотически сельско-общинный». Коренное отличие азиатского деспотического государства от других типов докапиталистического государства, по мнению Шено, состоит в том, что это государство само является организатором производства⁷. В 1965 г. журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал тезисы французских историков-марксистов — Ж. Сюрэ-Канала и М. Годелье, а также ответные тезисы Струве. Эта публикация послужила отправной точкой для развертывания дискуссии, излагать содержание которой я не буду, так как она хорошо известна специалистам. Отмечу лишь характерную деталь: и после дискуссии большинства советских историков остались на прежних позициях. Итог в этом отношении подвела книга В. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975), где проводилась мысль об идентичности в развитии стран Европы и Востока. Такие выводы, как показал в уже упоминавшейся монографии Л. Васильев, могли быть получены только ценой фальсификации материала по восточным обществам.

Сталинская работа «О диалектическом и историческом материализме» положила конец и исследованиям дофеодального периода. В качестве единственного предшественника феодализма было признано рабовладельческое общество, что в корне противоречит фактам. Никогда разложение первобытнообщинного строя не вело к феодализму, т. е. к образованию крупной частной собственности на землю и закреплению крестьянства. Есть длительный, охватывающий многие столетия (может быть, более десятка), период, в ходе которого знать выделяется в особую группу, обеспечивает себе привилегии, в том числе в области владения землей, но крестьяне сохраняют как личную свободу, так и собственность на землю. Этот период, по-моему, можно назвать прафеодализм. И только в результате изживания такого порядка вещей рождается настоящий феодализм. Здесь особенно следует отметить работы А. Неусыхина и ряда других советских историков 20—30-х годов.

Что же касается рабовладельческого общества, то, несмотря на его всемирно-историческое значение, оно все-таки было отклонением от нормы, от магистрального пути развития человечества, блестящим, но тупиковым вариантом, который не «перешел» в феодализм, как это обычно трактуется, а просто развалился. Рабовладельческий строй возникает как исключение — главным образом в античном мире. Эта точка зрения, восходящая еще к А. Богданову (к его «Краткому курсу экономической науки»), на большом фактическом материале была развита советским ученым Г. Меликишвили. Такого же мнения придерживался и А. Шевеленко.

Итак, я считаю, число формаций по сравнению с общепринятым нужно увеличить. Хотя есть и противоположная точка зрения: некоторые формации можно объединить в одну. Начало такому объединению было положено в 1968 г. известной статьей Л. Васильева и И. Стучевского «Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ». Опираясь на во многом черновую работу Маркса «О формах, предшествующих капитали-

⁷ См. «La Pensee», 1964, № 2, p. 164.

стическому производству», они пришли к выводу о существовании единой формации, лежащей между первобытнообщинным строем и капитализмом. Ход рассуждений был следующим. Общество, выходя из первобытнообщинного строя, может пойти по одному из трех практически равноправных путей — рабовладельческому, феодальному или азиатскому. Конкретный путь обусловлен не уровнем развития производительных сил (он во всех случаях примерно одинаков), а формой общины, которая, в свою очередь, определяется прежде всего природными факторами.

Этот тезис о равноправности, равноценности трех потенциальных путей развития, по-моему, весьма сомнителен. Во-первых, классическому античному миру предшествовал длительный период крито-микенской культуры, по всем параметрам близкой именно к восточным обществам. Так что античное общество выглядит более продвинутым вперед по сравнению с восточным. Во-вторых, в центре античной общины находился город, что не характерно для германской общины, да не очень характерно и для общины восточной. Античная община в том виде, в каком мы ее знаем, прошла длительный путь исторического развития. В-третьих, именно развитие рабства помогло демосу одержать победу над эвпатридами, а плебейам — над патрициями. Если бы не этот фактор, возникло бы что-нибудь вроде феодализма и крепостного состояния. В-четвертых, уже с VII в. до н. э. для передовых греческих полисов было характерно бурное развитие ремесла, торговли, частной собственности, рынка, чеканки денег, мореплавания и колонизации. Не земля (которая в Аттике не была особенно милостива к человеку), а *море* стало оплотом античной свободы и демократии.

Что же касается германской общины в том виде, как она описана Марксом, то она относится не к феодализму, а к прафеодализму. Потребовался значительный скачок в развитии производительных сил, прежде всего в земледелии, повысивший урожайность в два-три раза и создавший огромный прибавочный продукт, чтобы переход к настоящему феодализму стал возможен. Так что и в этом отношении о равноценности не может быть и речи. Феодальное общество выглядит более совершенным по сравнению с рабовладельческим, не говоря уж о восточном. (Хотя, с другой стороны, природные условия Европы не сравнить с природными условиями Востока.) По моему мнению, различие между этими тремя вариантами настолько велико, что речь должна идти о *трех разных формациях*, притом формациях, находящихся на разных уровнях с точки зрения высоты развития производительных сил.

Тенденция объединить все докапиталистические формации в одну нашла свое крайнее выражение в концепции В. Илюшечкина⁸. На мой взгляд, он не учитывает того факта, что докапиталистические эксплуататорские формации отличались друг от друга, может быть, не меньше, чем от последовавшего им на смену капитализма. Так, античная экономика по уровню развития товарно-денежных отношений приближалась к капитализму, резко отличаясь в этом отношении как от древневосточной, так и от раннефеодальной экономики⁹. Эти различия настолько существенны, что

⁸ См. Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. М., 1980; его же. О соотношении и взаимосвязи теории общественных формаций и политической экономии. «Вопросы философии», 1988, № 4.

⁹Здесь можно привести одну очень любопытную цитату из статьи А. Зубова, который, хотя и неправильно объясняет соответствующее явление, с фактической стороны рисует его совершенно верно: «Античное общество характерно широким распространением товарного производства, преимущественно городской культурой, единым межнациональным рынком, простиравшимся во времена подъема от Иберии до Индии и от Каледонии до Нубии и Аксума. Мегаполисы с более чем миллионным населением (Рим, Александрия), огромные эргастерии, латифундии, прекрасная инфраструктура, развитая тонкая специализация производства, почти капиталистическая банковская система аргентариев — все это исчезло, как

они перевешивают черты сходства (широкое распространение во всех этих обществах свободного труда, а в какой-то мере — рабства, крепостничества и наемного труда, причем в рабовладельческом обществе существовало крепостничество, а в феодальном обществе — рабство). В угоду своей концепции Илюшечкин явно недооценивает распространенность рабства в классическом рабовладельческом обществе, сдвиги в производительных силах внутри докапиталистических формаций, в частности в сельском хозяйстве и ремеслах. Всем этим формациям приписываются мелкое производство самостоятельных и полусамостоятельных производителей (как совместить с этим утверждением существование огромных рабовладельческих латифундий и эргастериев?), господство полунатуральных форм хозяйства (подходит ли сюда римский всемирный рынок?). К тому же слишком важны политические и культурные различия в Европе в эпоху античности и в эпоху средневековья, предполагающие и соответствующие различия в базисе. Недооценивается и государственная форма эксплуатации на Востоке — Илюшечкин почти все время говорит о частнособственнической эксплуатации.

В то же время, конечно, нельзя не согласиться с его мыслью, что теория общественных формаций теснейшим образом должна быть увязана с политической экономией, что связь эта должна носить обоюдоактивный характер. Между тем политическая экономия докапиталистических формаций разработана у нас очень слабо. Если бы это было иначе, стало бы очевидным, что у классического рабовладения и классического феодализма — *разные цели производства* (соответственно, меновая и потребительная стоимость). Свойственное же докапиталистическим формациям необычайное многообразие форм, образующих в разных системах причудливые комбинации при *неумении выделить главное*, приводит к мысли, что мы имеем дело с одной формацией.

В каком порядке формации переходили друг в друга

«Ахиллесовой пятой» той теории формаций, которую можно назвать классической, является *однолинейная* конструкция: все формации выстраиваются в единый ряд, все народы «обязаны» проходить весь путь от одной формации к другой. В лучшем случае признавалось, что те или иные народы могут «миновать» в своем развитии ту или иную формацию (чаще всего в этом отношении упоминалось классическое рабовладение, свойственное Греции и Риму). В действительности эволюция была *многолинейной*, многовариантной. Формация могла переходить либо в одну, либо в другую, более высокую, формацию. Вопрос о причинах этого, безусловно, исследован недостаточно, и сам факт пока что для историков, привыкших к стереотипным схемам, должен во многом казаться неожиданным. А между тем факты неоспоримо подтверждают это.

Так, первобытнообщинная формация никогда не «переходит» ни в рабовладение (развитое), ни в феодализм (развитой). Чаще всего при разложении первобытнообщинной формации образуется «азиатский способ производства» (название, конечно, условное, так как этот тип развития был свойствен не одной Азии, но также Африке, Америке, Океании, а в какой-то мере — и Европе; так что лучше употреблять, например, термин «архаическая формация»). Однако возможен и другой вариант развития, особенно характерный для Европы: первобытнообщинная формация при своем

сновидение, в века раннего феодализма... Быстро устанавливается новый экономический порядок, при котором товарное производство сменяется натуральным, расширенное — простым, международные экономические связи ослабевают до крайности, города пустеют и новая культура средневековья становится культурой сельской» («Народы Азии и Африки», 1989, №1, с. 113-114).

разложении дает прафеодальную формацию, которая лишь затем переходит в настоящий феодализм. Причины такой «развилки дорог» пока не выяснены.

Для перехода к капитализму в качестве предварительного условия требуется феодализм. Поэтому страны «азиатского способа производства» (архаической формации), например Китай, так и не смогли перейти к капитализму. В отличие от Японии, где феодализм был очень похож на западно-европейский.

Страны архаической формации чаще всего упорно воспроизводят ее на протяжении столетий и даже тысячелетий. Но кое-где прорыв в феодализм все же происходит. Классическим примером здесь является Япония. Переход от архаической формации к феодальной намечался в такой средневековой стране, как Аюття (на территории нынешнего Таиланда), был он, видимо, свойствен закавказским народам: грузинам, армянам, предкам азербайджанцев.

Архаическая формация сложилась и в ряде европейских областей. Таков, по моему мнению, был крито-микенский мир, а также «Рим первых царей» и, возможно, древняя Ирландия. Но в Греции и Риме произошел переход от архаической формации к рабовладельческой. Изучая гомеровское общество, мы видим его как бы «на перепутье»: не ясно, пойдет ли развитие после разложившейся архаической формации по пути феодализма или же по пути рабовладения. Наблюдать это явление очень интересно. После определенных колебаний общество устремляется по пути классического рабовладения — с высоким развитием ремесла, торговли, товарно-денежных отношений, частной собственности, а также военного дела (что и дало возможность захватывать огромные массы рабов в других странах).

Рабовладельческое (классическое) общество ни во что не переходит. В Европе произошел разрыв постепенности, и все пришлось начинать сначала. Видеть в римских *honestiores* «предков» феодалов — верх нелепости. Рабовладельческая формация — это классический пример формации, зашедшей в своем развитии в тупик. (Бывают, значит, и такие варианты!) Феодализм в Европе был создан новыми народами, разрушившими римское государство, а в значительной мере и римское хозяйство, и создан он был на основе прафеодализма. Таким образом, «азиатский способ производства» (архаическая формация) — это не *локальное*, свойственное лишь Востоку явление, а *стадиальное*. Рабовладение и феодализм — это нечто стадиально более высокое, чем «азиатский способ производства».

И. Ионов утверждает: «Вспомним поиски «феодальных революций» на Западе и Востоке, поиски эндогенного капитализма в странах Азии, сведение причин недоразвитости стран Африки к последствиям колониальной эксплуатации... Дискуссии вокруг этих идей продолжаются до сих пор»¹⁰. По смыслу это высказывание направлено против теории формаций, но все соответствующие вопросы, по-моему, можно удовлетворительно объяснить, не порывая с ней. «Феодальные революции» на Западе не могли происходить в привычной для нас политической форме; это разъясняет моя концепция прафеодализма. На Востоке же они вообще не могли происходить, так как большинство стран этого региона не дошло до феодализма. Преобладающая часть азиатских и африканских стран «застряла» на стадии «азиатского способа производства», а от него нет перехода к капитализму: для этого требуется феодализм. Поэтому эндогенного капитализма там не существовало: он был занесен извне. В результате получился странный гибрид капитализма и «азиатского способа производства», жизнеспособность которого вызывает серьезные сомнения. Этим, а далеко не одной ко-

¹⁰ «Вопросы философии», 1989, № 10, с. 49.

лониальной эксплуатацией, объясняется отсталость стран «третьего мира». Тем более, что «азиатский способ производства» обладает колоссальной устойчивостью, и порвать с подобным прошлым не так-то легко.

Движущие силы прогресса

Развитие производительных сил и вообще экономической структуры — движущие силы перехода от одной формации к другой. Попытки объяснить развитие формаций духовными факторами, отойти от названного марксистского тезиса, на мой взгляд, неубедительны. Хотя и есть интересные попытки. Выше приводилось высказывание А. Зубова относительно перехода от древней к средневековой Европе. Он объясняет его исключительно распространением христианства. Но этот переход вполне может быть объяснен и экономическими причинами.

В период наивысшего расцвета рабовладения Греция и Рим вели непрерывные захватнические войны, поставлявшие им рабов, т. е. эксплуатировали «варварскую» периферию. Рабы были дешевы, и их можно было использовать «на износ», и не только можно, но и экономически рационально (не забудем, что все это происходило в условиях высокого развития товарно-денежных отношений и, как справедливо отмечает Зубов, в условиях интенсивной международной торговли, когда у рабовладельцев развивается жажда получения богатств в денежной форме, а такая жажда не знает предела, что родственно капитализму). Но по мере того как римляне завоевали чуть ли не весь известный им мир и больше завоевывать стало почти нечего, а оставшаяся незатронутой завоеваниями часть «варварской» периферии в процессе своего развития все больше крепла в экономическом и военном отношении, ситуация коренным образом изменилась. Доставать рабов стало трудно, они дорожали, и эксплуатировать их «на износ» стало экономически невыгодно. Все это имело далеко идущие последствия. Если говорить политэкономическим языком, раньше рабовладелец присваивал не только прибавочный, но и значительную часть необходимого труда раба (на чем и держалась вся блестящая экономика и культура античности). Теперь он был лишен такой возможности. Произошло перераспределение продукта между эксплуататорами и эксплуатируемыми — в пользу эксплуатируемых и в ущерб эксплуататорам. Но тем самым должна была рухнуть и вся покоящаяся на этой системе эксплуатации надстройка — и городская жизнь, и утонченное ремесло, и международная торговля, и банковская система, и блестящая античная культура. Несмотря на то что в определенных отношениях здесь был упадок, в целом можно говорить о прогрессе, так как только теперь основная масса производителей стала впервые жить более или менее сносно.

Существует мнение, что не доказано поступательное движение производительных сил в древности, в Средние века и в начале Нового времени, т. е. в условиях преобладания ручного труда. Если бы это действительно было так, то развитие (по крайней мере в Европе) вообще трудно было бы объяснить. Но в действительности производительные силы отнюдь не стояли на месте. Рабовладельческий строй по сравнению с первобытной эпохой дал значительный прогресс в области ремесла, выразившийся прежде всего во все более глубоком разделении труда (достаточно вспомнить рабовладельческие эргастерии, во многом сравнимые с капиталистическими мануфактурами). Причем характерно, что наибольшего успеха достигли отрасли, которые работали на рынок. Велик был прогресс в строительном деле: развалины античных зданий до сих пор поражают наше воображение. Ничего подобного первобытная эпоха не знала. Следует отметить прогресс

в кораблестроении и мореплавании, сделавший возможной широкую международную торговлю. Наконец, последнее по счету (но не по важности) — прогресс в военном деле. Специалисты проследили, как совершенствовалось вооружение греческого и римского воина. Это имело огромные последствия: при своих столкновениях с «азиатским способом производства» (в частности на море) рабовладельческий строй, будучи более прогрессивным, неизбежно выходил победителем. Именно превосходство в военном деле позволило грекам отразить такого грозного и численно намного превосходящего врага, как персы, а римлянам — создать огромную империю. Эти завоевания снабжали рабовладельческие центры дешевыми рабами. Но прогресс в военном деле давал рабовладельцам и *средства насилия* над рабами: не могло быть и речи о том, что раб с киркой или лопатой в руках может справиться с тяжеловооруженным воином.

Что касается феодализма, то выше уже отмечалось, что переход от прафеодализма к «настоящему» феодализму смог совершиться только тогда, когда урожайность в земледелии повысилась в два-три раза (это ли не «зеленая революция»!), что создало огромный прибавочный продукт. Материальной основой прорыва было широкое распространение железного плуга, в корне изменившего агротехнику. Если бы были нужны доказательства дальнейшего прогресса в сельском хозяйстве в Средние века, то таковыми могли бы быть повторное отделение ремесла от земледелия и расцвет средневековых городов.

На исходе Средних веков и в переходном периоде к Новому времени темпы роста производительных сил ускоряются. Речь идет о массе мелких механических усовершенствований, каждое из которых было незначительно, но в целом они коренным образом изменили всю картину промышленного производства и подготовили переход к капитализму.

Л. Алаев утверждает: «Хронология событий бесспорна: развившийся в Западной Европе капитализм вызвал сначала политические революции и только затем — промышленную. Сначала появился раскрепощенный инициативный «возрожденческий» человек, а потом уже он выдумал машину. Следовательно, если мы хотим сохранить тезис о примате производительных сил, надо переосмыслить само определение этой категории, придать основополагающее значение духовным и социальным производительным силам, в частности, рассматривать свободу производителя в качестве главного показателя уровня производительных сил»¹¹. Отнюдь не отрицая правомерности такого хода мысли и рассматривая будущие исследования в этой области как весьма перспективные, я все же хотел бы указать на некоторые материальные предпосылки капитализма. При всей важности появления машин как адекватного технического базиса капитализма, следует признать, что капитализм может существовать и на более низкой технической базе, тем более что первоначально он носит в значительной мере торговый, а не промышленный характер. И разве, например, капиталистическая мануфактура не дала огромного прироста производительности труда? Но и техника отнюдь не стояла на месте. Выше говорилось о том, что на исходе Средних веков было сделано множество механических изобретений, пусть не революционного характера, но в своей массе сильно изменивших картину промышленного производства. Ведь «возрожденческий человек» появился не из ничего. Правда, центральной «капиталистической» фигурой в ту эпоху был купец, но ему уже были присущи все черты «инициативного человека». Именно на исходе Средних веков складывается в ряде стран Западной Европы общенациональный рынок. Хотелось бы указать и на такой фактор в формировании «возрожденческого человека»,

¹¹ Там же, с 36.

как великие географические открытия. Тот факт, что политические революции начались раньше промышленной, не может рассматриваться как довод против решающей роли производительных сил в общественном развитии.

Трудно видеть в человеческой психике движущую силу общественного развития, так как последняя чрезвычайно многообразна и, в принципе, может порождать все, что угодно. Между тем развитие производительных сил *кумулятивно*: здесь более высокая ступень не может быть достигнута ранее, чем пройдена более низкая.

Прогресс, застой, тупик, регресс

Производительные силы, в принципе, стремятся развиваться неограниченно, что дает основу для всеобщего прогресса. Именно эта мысль лежит в основе классической теории формаций. В то же время накоплено достаточно фактов, свидетельствующих о том, что производительные силы вследствие либо природных условий, либо социальных факторов перестают развиваться или даже поворачивают вспять. Сейчас уже не приходится сомневаться, что перманентного прогресса у всего человечества не было, что прогресс — скорее, счастливое исключение для наиболее удачливых его частей.

Каждая система стремится укрепиться, но нередко совершенствуется в сторону исторического тупика. Это особенно относится к пресловутому «азиатскому способу производства», который имеет тенденцию неуклонно воспроизводить себя в течение столетий или даже тысячелетий, не переходя во что-либо иное. Общество, попавшее в эту «ячейку», может так никогда из нее не выбраться. Вот почему непрерывный прогресс характерен почти исключительно для Европы, которая после крушения крито-микенской цивилизации развила частную собственность и частную инициативу, красной нитью проходящие через ее историю, захватывая рабовладение, феодализм и капитализм. Правда, здесь нужна определенная оговорка. Рабовладельческая формация, как было показано выше, в общем заходит в тупик в своем развитии. Эстафету прогресса перехватили другие народы, не жившие в условиях классического рабовладения. Но характерно, что традиция частной инициативы все же была сохранена. После крито-микенской цивилизации государство в Европе никогда уже не играло такой роли в экономике, какую оно играло в странах Востока.

Серьезный вопрос, возникающий при переходе от европейской истории к истории всемирной, заключается в том, обладает ли возникший и сформировавшийся в Европе цивилизационный архетип способностью пространственного расширения? На него пока нет достоверного ответа. Слишком много имеется доводов и за, и против. И. Ионов утверждает: «Ведь сознание людей в неевропейских, застойных или развивавшихся почти циклически цивилизациях имело особую, отличную от нашей структуру и основано на иных системах понятий»¹². И не может быть иначе, раз мы имеем дело с особой формацией, отличной от наших. Но, кажется, автора можно понять так, что особенности сознания обусловили специфику соответствующих обществ. По-моему, этот тезис отнюдь не доказан.

Что касается *регресса*, то в условиях цивилизации указать его не так-то легко. Речь должна идти, скорее, о временных попятных движениях, когда консервативные силы оправляются от первого удара и переходят в контрнаступление. Для Европы примером являются контрреформация, наступив-

¹² Там же, с. 50. Под циклическим развитием здесь, очевидно, понимаются периодические колебания между централизацией и децентрализацией, характерные для ряда стран Востока, в частности Китая.

шая за неполным успехом Реформации, или — для Германии — «второе издание крепостничества», наступившее по тем же причинам.

Случаи регресса можно наблюдать и у первобытных этносов, которые их более удачливые соперники вытесняют в неблагоприятные области обитания. При этом происходят настоящий регресс, истинная деградация. Именно по таким — «наиболее первобытным» — этносам этнографы прошлого нередко судили о «подлинной» первобытности (скажем, верхнего палеолита), совершая тем самым грубую ошибку.

* * *

Заключая цикл рассуждений об истории развития человечества, хотелось бы еще раз подчеркнуть принципиальную непротиворечивость формационного и цивилизационного подходов к теме. Непредвзятому и неидеологизированному исследователю, по-моему, будет полезно обогатить свой методологический арсенал достижениями марксистской теории общественно-экономических формаций. Равно как и подлинный марксизм никогда не был закрыт для восприятия и усвоения всего ценного, что могли бы предоставить ему открытия, сделанные учеными других направлений. И не исключено, что в будущем сочетание формационного и цивилизационного подходов стимулирует появление нового качества исследований.

© А. Захаров, 1992